
ИСТОРИЯ

ТРУДНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ЛАТЫШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ

Difficulties and contradictions of cultural and educational work among the Latvian population in Belarus during the interwar period

И. Мартинкевич (I. Martsynkevich),
Витебский государственный медицинский университет
г. Витебск, Беларусь

У артыкуле разгледжаны пытанні арганізацыі латышскіх школ і іншых культурна-асветніцкіх устаноў на тэрыторыі Савецкай Беларусі ў 1920-я гг. Адзначаны напрамкі культурна-асветніцкай работы сярод латышкага насельніцтва БССР і асноўныя праблемы, з якімі сутыкаліся савецкія партыйныя органы ўлады ў працэсе яе ажыццяўлення. Прыведзены дадзеныя аб колькасці латышскіх школ у 1920–30-я гг.

Ключавыя словы: латышы, нацыянальная палітыка, адукацыя, латышскія школы, БССР, міжваенны перыяд.

The article deals with the organization of the Latvian schools and other cultural and educational institutions in Soviet Belarus in the 1920s. Marked direction of cultural and educational work among the Latvian population in Belorussian SSR and the main problems faced by the Soviet party authorities in its implementation. The data on the number of Latvian schools in the 1920–30s.

Keywords: Latvians, national policy, education, Latvian schools, Belorussian SSR, interwar period.

Одним из важнейших направлений, реализуемых советским правительством в рамках проведения национальной политики, являлось формирование и развитие системы образования. В комплексе проблем культурного строительства ликвидации неграмотности и малообразованности населения уделялось большое внимание, поскольку это было одновременно и политической задачей. Через выстраивание системы образования по «советскому образцу» советские партийные органы власти планировали с одной стороны реализовывать провозглашённый ещё перед революцией лозунг права наций на самоопределение, а с другой – строить социализм на всей территории СССР. Если в целом по БССР развёрнутая в начале 1920-х гг. белорусизация довольно успешно решала проблему безграмотности среди белорусского населения, то создание в рамках её латышских школ было одним из сложных организационных вопросов, особенно в условиях отсутствия учителей и их тяжёлого материального положения.

Несмотря на все кадровые и экономические трудности, организационная работа по созданию базы для школ и ликвидации безграмотности началась ещё до официального проведения национальной политики в масштабах всего СССР. Так, 9 апреля 1918 г. в Витебске было создано Латышское общество, в соответствии с Уставом которого предполагалось издание книг, газет и журналов, открытие библиотеки и читальни, развёртывание работы по организации школ и музеев, курсов, лекций, диспутов и т.д. Всё это заложило основу для начала работы латышских школ [1, с. 124].

В первые годы после революции в школьном строительстве зачастую принимало активное участие местное население. Это позволило в кратчайшие сроки значительно увеличить их количество. Всего за несколько лет на белорусских землях было открыто 19 школ, но в условиях продолжавшейся войны многие из них были закрыты. В результате к началу 1920 г. количество неграмотного латышского населения только в Витебском уезде составляло 30%, в Полоцке эта цифра и вовсе доходила до 40% [2, л. 57 об].

И без того непростая ситуация усложнялась материальными трудностями. Из-за низкого уровня заработной платы школьные работники уездов Витебской губернии после окончания 1921/22 уч.г. в своём большинстве оставили латышские школы. Часть из них уехала в Латвию, другие перешли на работу в иные учреждения. Новых учителей отыскать было невозможно, так как их нигде не готовили. В итоге губернский отдел народного образования вынужден был закрыть или объединить с другими 40% латышских школ. К 1922/23 уч.г. на белорусских землях оставалось 9 действующих латышских школ 1-й ступени, одна – 2-й и один детский дом. В этих школах смогли укомплектовать штаты педагогов. С целью улучшения материального положения учителей латышских школ было введено самообслуживание школы родителями учеников. Часть полученных от них денег шла на ремонт и обеспечение топливом латышских национальных учреждений Витебской губернии [1, с. 124–125].

О том, насколько трудно велась работа по ликвидации безграмотности среди латышского населения, свидетельствуют документы. Так, на заседании Латышского центрального бюро при ЦК КПБ(б) 18 сентября 1924 г. отмечалось, что латыши в Беларуси преимущественно представлены крестьянами, которые в большей своей массе, являлись по мнению партийных работников «культурно отсталым элементом». Среди причин, которые не позволяли активизировать образовательную работу в сельской местности указывалось острая нехватка специалистов. Государ-

ственные избы-читальни организовывались из расчёта одна на 10 000 человек. Учитывая низкую плотность латышского населения, выделять средства на организацию изб-читален никто не собирался, поэтому основным проводником работы являлись культурно-просветительские кружки и общества с небольшими читальнями при них.

Стоит отметить, что если с формами организации обучения к середине 1920-х г. вырисовывалась более-менее понятная картина, то содержательная сторона образовательного процесса по-прежнему оставляла желать лучшего. На заседании Латышского центрального бюро при ЦК КПБ(б) отмечалось, что работа в культпросвет кружках и обществах была организована плохо. Были случаи, когда в отдельных колониях их просветительская работа превращалась в обычные танцевальные вечера ввиду неопытности руководителей кружков [2, л. 58]. Такое положение дел требовало более эффективного руководства и активизации работы, для чего предполагалось в кратчайшие сроки организовать ещё 10 кружков и созвать общее совещание культработников. Кроме того, летом планировалось вызвать из Москвы артель латышских студентов.

Не менее важным направлением оставался вопрос дальнейшей организации и развития сети латышских школ. К 1924 г. положение уже созданных школ было неодинаковым. В наиболее сложных условиях находились школы на юге БССР. Там недостаток финансирования и квалифицированных специалистов был особенно острым. Вместе с тем к этому времени по всей территории Советской Беларуси в латышских школах обучалось 450 детей или 15% от общего школьного возраста. К 14 уже существующим школам планировалось организовать ещё 6 и достигнуть, тем самым, обучаемости в 812 детей. Однако на деле осуществить такие смелые планы было не так просто, ведь даже в действующих школах не хватало 10 учителей. Проблему невозможно было решить на местном уровне и вопрос был доведён до московского руководства, но и через несколько месяцев он так и не был решён [3, л. 7].

Острая нехватка педагогических кадров оставалась одной из главных проблем середины 1920-х г. для латышских школ. Бывали случаи, когда школа открывалась, но не было педагога и в результате она прекращала работу. На 1 января 1925 г. в латышских школах насчитывалось 29 учителей. Из них по разным причинам подлежало замене 40% от общего числа педагогов. В частности, по 1 – в Калининском и Могилёвском округах, по 2 – в Полоцком округе и Витебском детском доме, 5 – в Витебском округе. Кроме того, для вновь открывающихся с 1 октября 1925 г. школ также требовалось 10 педагогов, что в общей сумме составляло 21 человек на замену и пополнения учительского состава. Вместе

с тем по разрядке Латышского центрального педагогического техникума в БССР в 1925/26 уч. г. планировалось направить только 6 человек, в 1926/27 уч. г. – 8, в 1927/28 уч. г. – 7. Это означало, что потребность в педагогических кадрах можно было бы полностью закрыть только в течение трёх последующих лет. Чтобы повлиять на сложившуюся ситуацию Латбюро Народного комиссариата просвещения было внесено предложение отпустить из бюджета наркомпроса БССР 27 стипендий для студентов вышеуказанного техникума [4, л. 357–357 об].

Учебных пособий также не хватало. Если какая-либо литература и была в наличии, то только в виде брошюр, которые не соответствовали потребностям учеников и содержанию учебного процесса. Кроме того, стоимость учебных изданий на латышском языке зачастую была в два-три раза выше русскоязычных книг, что в непростых экономических условиях ещё больше усугубляло и без того непростую ситуацию.

Не менее значимой проблемой была необеспеченность помещениями, которые нередко находились в непригодном состоянии. Особенно сложно в этом плане обстояли дела в г. Витебске. Положение осложнялось безразличием органов власти на местах. В результате никаких мер по решению этого вопроса не принималось ни исполкомом, ни окружками [5, л. 72–75].

Несмотря на все трудности организационная работа по ликвидации неграмотности латышского населения продолжалась. На 1-м Всебелорусском совещании латышских партийных работников, проходившим в г. Минске с 18 по 21 октября 1924 г. отмечалось, что такие формы организации работы с сельским населением как культпросветкружки, избы-читальни, школы должны объединять возле себя все остальные виды культработы на селе, в частности, библиотеки, пункты ликвидации неграмотности и т.д. В местах с наибольшей плотностью латышского населения планировалось открывать национальные избы-читальни с отнесением их содержания к государственному бюджету. Особое внимание обращалось на необходимость популяризации и распространения сочинений В.И. Ленина, в том числе и через издание стенгазет. В качестве важнейших направлений работы на совещании отмечалось развитие шефства города над деревней, которое должно было выражаться в улучшении культурной жизни подшефной колонии, снабжении школ и изб-читален литературой, специализированными пособиями, газетами [3, л. 37–38].

Отдельным видом культурно-просветительской работы была антирелигиозная пропаганда, которая должна была сопровождаться мероприятиями против верующих, закрытием церквей, запрещением въездов пастырей. Но главным средством в борьбе с религиозностью

была определена популяризация научно-атеистического мировоззрения, организация кружков по естествознанию и естественным наукам. Стоит отметить, что отношение местного населения к принимаемым по отношению к церкви мерам было весьма неоднозначным, особенно у старшего поколения.

В большей степени у латвоязычного населения вызывали интерес сельскохозяйственные кружки. Тем более, что специализированной литературы на латышском языке было очень мало. Поэтому в дальнейшей работе партийные органы планировали опираться на латышскую молодёжь и «передовое крестьянство» и через культпросветкружки вести просветительскую работу по линии общественных и естественных наук с агрономическим уклоном. Более того, указывалось на необходимость создания при школах показательных агрономических участков, где ученики через практику могли бы научиться культуре ведения сельского хозяйства [3, л. 40–41].

На ряду с предложенными мерами по активизации культурно-просветительской работы на совещании отмечалось, что существующая школьная сеть латышских школ по-прежнему не удовлетворяла всех потребностей населения. К примеру, если в русских школах обучалось 45% всех детей школьного возраста, то латшколы охватывали лишь 25%. Школьных пособий и методической литературы для учителей практически не было [3, л. 41–42].

Трудности, с которыми столкнулись советские партийные органы власти при организации национальных латышских школ существенно замедлили их развитие, однако предпринимаемые меры уже к середине 1920-х гг. дали первые результаты. На 1 октября 1925 г. школьная сеть выглядела следующим образом [4, л. 87.]:

Округ	Всего школ	в том числе:				
		I ступени	2-х комплект.	II ступени	7-летние	Интернаты, Дет. дома
Витебский	8	5		1	1	1
Полоцкий	4	3	1			
Могилёвский	2	2				
Оршанский	1	1				
Калининский	1	1				
Бобруйский	1	1				
Всего	17	13	1	1	1	1

В дальнейшем их численность менялась практически каждый год с тенденцией к увеличению, которая сохранилась до начала 1930-х гг. Так в 1926/26 уч.г. их стало 16, а в 1927/28 уч.г. – 21. Среди латышских школ в 1925/26 уч. году единственная семилетняя школа была в Витебске, пять четырёхлетних – в Витебском округе, три – в Могилёвском,

две – в Полоцком округе. В 1929/30 уч.г. насчитывалась 21 латышская школа, в 1931/32 уч.г. – 24, в 1934/35 г. – 22, в 1936 г. – 12. В 1936 г. продолжали свою работу и смешанные школы: 1 литовско-латышская и 2 белорусско-латышские [1, с. 125–126].

Начало 1937 г. и развёртывание сталинских репрессий, внесло серьёзные коррективы в культурно-просветительскую работу. Большой террор сопровождался ограничением прав и свобод населения, это коснулось и национальных меньшинств. Вскоре были ликвидированы национальные советы как рассадник буржуазных националистов и шпионов, а вместе с ними были упразднены латышские школы и культурные учреждения.

Таким образом, межвоенное время можно определить как один из противоречивых периодов в организации культурно-просветительской работы среди латышского населения на белорусских землях. Если 1920-е гг. характеризовались активным строительством и развитием, то с конца 1930-х гг. отношение центральных властей к национальным меньшинствам коренным образом изменилось в сторону ассимиляции. Возможно, кроме чисто идеологических аспектов сыграла свою роль и банальная невозможность решить вопросы материально-технического плана (издание учебников, параллельное содержание нескольких школ в одном населённом пункте и т.п.).

Использованные источники:

1. Кривошей, Д.А. Латышское население Беларуси в межвоенный период / Д.А. Кривошей // *Latvijas Arhivi*. – 2007. – №2. – С. 121–133.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1906.
3. НАРБ. Ф. 4п. Оп.1, д. 1530.
4. НАРБ. Ф. 4п. Оп.1, д. 1905.
5. НАРБ. Ф. 4 п. Оп.1, д. 1775.